

АНТИЧНЫЕ ТРАГЕДИИ

Эсхил. Софокл. Еврипид

ВСЕМИРНАЯ
ЛИТЕРАТУРА

Всемирная литература (новое оформление)

Софокл

Античные трагедии

«ЭКСМО»

УДК 82'01
ББК 84(0)3

Софокл

Античные трагедии / Софокл — «Эксмо», — (Всемирная литература (новое оформление))

ISBN 978-5-04-192945-9

В V веке до н.э. начинается расцвет греческой трагедии и театра. Один за другим на исторической сцене появляются три великих трагика — Эсхил, Софокл и Еврипид. Их пьесы оказали значительное влияние на Уильяма Шекспира, Жан-Батиста Мольера, Иоганна Вольфганга Гете, Оскара Уайльда, Антона Павловича Чехова и других служителей искусства. Отсылки к великим трагедиям можно найти и в психологии (Эдипов комплекс и комплекс Электры), и в текстах песен современных рок-групп, и даже в рекламе. Вступительную статью для настоящего издания написала доцент кафедры зарубежной литературы Литературного института им. А. М. Горького Татьяна Борисовна Гвоздева, кандидат исторических наук. Книга «Античные трагедии» подходит для студентов филологических и театральных вузов, а также для тех, кто хочет самостоятельно начать изучение литературы. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82'01
ББК 84(0)3

ISBN 978-5-04-192945-9

© Софокл
© Эксмо

Содержание

Чудо греческого театра	6
Эсхил	16
Персы	16
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Эсхил, Софокл, Еврипид

Античные трагедии

© Гвоздева Т. Б., предисловие, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Чудо греческого театра

V–IV вв. до н. э. стали периодом наивысшего расцвета греческой культуры и искусства. Именно в это время создаются лучшие произведения античной и мировой литературы, именно на этот период приходится расцвет греческого театра, история которого началась с греческой трагедии.

Рождение греческой трагедии относится к концу VI в. до н. э., когда во многих греческих городах-государствах (полисах) шла активная общественно-политическая борьба за власть между группировками. Во многих полисах, в том числе в Афинах, на смену тирании пришла новая форма государственного управления – демократия. Именно в это время постепенно сформировался новый жанр древнегреческой литературы – драма. Сам термин *драма* буквально обозначает «действие». По словам Аристотеля, наличие действия и диалога отличало драму от ранних жанров древнегреческой литературы – эпоса и лирики. Поэтому драма стала тем жанром, который лучше всего смог показать столкновение интересов и конфликт различных политических и общественных принципов.

Вопрос о происхождении греческой драмы является наиболее спорным в научной литературе. Существует множество теорий о ее начале из культа мертвых или из погребальных плачей и др. Согласно наиболее популярной теории, которой придерживались еще античные ученые, греческая драма была связана с древними обрядовыми играми культа Диониса, бога земледелия и виноградарства. Аристотель в «Поэтике» отмечал, что греческая трагедия возникла от исполнителей дифирамбов – торжественных хоровых песен, посвященных Дионису. Изобретение дифирамба приписывалось легендарному певцу и музыканту Ариону (VII–VI вв. до н. э.), который в Коринфе первым исполнил трагический дифирамб. Хор, исполнявший дифирамбы, получил название киклического (кикл – «круг»), т. к. во время выступления двигался по кругу, в центре которого стоял алтарь Диониса. В V в. до н. э. такой хор насчитывал до 50 человек. Из числа хоров выделался запевала хора (солист). Он исполнял по очереди с хором дифирамб, что положило начало диалога в драме. Хоревтами были певцы-мужчины, которые часто принимали участие в состязаниях киклических хоров на праздниках Диониса. Традиция приписывает введение состязаний дифирамбов поэту и музыканту Ласу Гермионскому. Согласно Аристотелю, из дифирамбов выросла греческая трагедия, а из веселых фаллических песен, исполняемых сельской процессией, комосом, – комедия. Аристотель полагал, что само название «трагедия» произошло от слов «трагос» (козел) и «ода» (песнь). Спутниками бога Диониса были сатиры, мелкие демоны плодородия с козлиными ногами и рогами. В искусстве Диониса часто изображали в сопровождении сатиров, а в праздничных процессиях участники шествий Диониса надевали маски козлов. Одним из видов греческой драмы, помимо трагедии и комедии, стала «драма сатиров», основным элементом которой был хор сатиров.

Культ Диониса, как бога земледелия и плодородия, относился к так называемым культам умирающего и воскресающего божества. Мифы о рождении и смерти Диониса становились темой для раннего дифирамба. Однако постепенно тематика дифирамба стала расширяться, включая в себя сюжеты из героической мифологии, что существенно обогатило дифирамб и раннюю драму. Согласно Геродоту, в VI в. до н. э. жители города Сикион в Северном Пелопоннесе почитали в песнях дифирамба местного героя Адраста. Выделение из хора дифирамба запевалы-солиста, движение киклического хора по кругу, расширение тематики дифирамба – все это постепенно создавало переход от обрядовых песен к литературной драме, трагедии и комедии, представления которых проводились на праздниках Диониса. В Афинах так называемый дионисийский фестиваль включал в себя сразу несколько праздников. В месяце посидеон (декабрь-январь) проводили Сельские (Малые) Дионисии, которые приурочивались к оконча-

нию сбора винограда. С 12-го числа месяца гамелион (январь-февраль) отмечали праздник Ленеи, в программу которого входили состязания киклических хоров. С 11-го по 13-е антестериона (февраль-март) на празднике Антестерий устраивали торжественную процессию, во главе которой на колеснице в форме корабля Дионис торжественно въезжал в Афины. Во время Антестерий разыгрывали сценки бракосочетания Диониса и Ариадны, роли которых исполняли жрец Диониса и супруга архонта-басилея. Но главным «театральным» праздником Афин стали Великие Дионисии, которые торжественно отмечали в первых числах месяца элафеболіона (март-апрель). Программа праздника, посвященного Дионису Элевтерию (Свободному), включала в себя торжественную процессию и жертвоприношения богу, а также состязания киклических хоров и драматургов. Растущая популярность последних способствовала формированию драмы как самостоятельного вида искусства, занявшего важное место в общественной и культурной жизни древних греков. Во 2-й пол. VI в. до н. э. состязания драматургов стали частью политики многих греческих тиранов – Периандра в Коринфе, Клисфена в Сикионе, и особенно Писистрата в Афинах. По приказу последнего в 534 г. до н. э. на Великих Дионисиях впервые были проведены состязания трагедий. Именно с этой первой известной нам даты и начинается история античного театра и греческой трагедии.

Уникальной чертой греческого театра было то, что постановки драм носили характер состязаний. Состязательность (агональность) была особой чертой эллинской культуры и менталитета греков. Первые состязания на погребальных играх, устроенных Ахиллом в честь погибшего Патрокла, описываются уже в «Илиаде» Гомера. Атлетические и конные состязания стали основой программы Олимпийских игр в честь Зевса. Музыканты и певцы состязались на Пифийских играх в честь Аполлона. Состязания рапсодов, чтецов эпоса и лирики, проводились во многих греческих полисах, так же как и состязания киклических хоров. Но именно в Афинах на Великих Дионисиях состоялись первые состязания драматургов – авторов трагедий и комедий. Праздник был ежегодным, проводился каждый год в начале весны. По решению председателя коллегии девяти архонтов, архонта-эпонима, к состязаниям драматургов допускались только три участника, которых он выбирал из всех желающих. Авторы трагедий состязались друг с другом тетралогиями. Трагическая тетралогия включала в себя три трагедии, объединенные единым сюжетом (трилогия), к которым примыкала одна драма сатиров. Ее сюжет изначально также должен был быть связан с сюжетом трилогии. Позднее к состязаниям трагических поэтов на Великих Дионисиях добавили состязание комедиографов, к которым также допускали трех драматургов, каждый из которых должен был представить на суд зрителей одну комедию. Состязание трагедий длилось три дня, т. к. каждый автор выступал с четырьмя драмами в течение целого дня. Отдельный день добавили для авторов комедий. В IV в. до н. э. в программе Великих Дионисий появились специальные дни для повтора старых комедий и трагедий.

Драматург, допущенный к состязаниям, получал от архонта право «набрать хор». Такая формулировка была связана с тем, что ранняя драма в основном состояла из песен хора. Хор трагедии включал в себя 12 человек, позднее был увеличен до 15, хор в комедии – из 24 человек и разбивался на два полухория. Участниками хора могли быть только взрослые мужчины, афинские граждане, которые исполняли свои партии в масках и костюмах. Часто именно по маскам хора драмы получали свое название. Под руководством хородидаскала (руководителя хора) хоревты готовили все партии трагической трилогии. Важнейшей реформой греческого театра, которая приписывается драматургу Феспиду, стало введение первого актера (протоагониста). Именно он вел диалог с хором. Ранняя греческая трагедия в основном состояла из партий хора, тогда как роль актера была вспомогательной. Значение актеров возрастало постепенно, пропорционально увеличению их количества. Традиция приписывает введение второго актера Эсхилу, а третьего актера – Софоклу, что позволило увеличить в трагедии количество персонажей, развить диалог и действие. Так в театре сложился знаменитый «закон трех акте-

ров», подразумевающий, что на сцене могло находиться одновременно не более трех актеров. Актерами, так же как и участниками хора, могли быть только взрослые мужчины, независимо от того, какого пола или возраста персонажей они играли. Часто в качестве актеров выступали сами драматурги. Хоревты и актеры были афинскими гражданами, участие в постановке которых носило любительский характер. По мере развития актерской техники и мастерства особое положение в театре занимал *протоагонист* — «первый актер». Он исполнял наиболее важные роли в трагедии и получил право самому выбирать второго и третьего актеров для постановки. В исключительных случаях мог потребоваться четвертый актер, но, как правило, его задача состояла в том, чтобы в маске и костюме своего персонажа просто находиться на сцене. Расходы на четвертого актера оплачивались дополнительно хором.

Актеры выступали на оркестре в костюмах и масках. В длинных роскошных одеждах, обутые в котурны — специальную обувь на высокой (до 15 см) подошве, фигуры трагических актеров казались очень внушительными. Их лица были полностью закрыты масками, на голову надевали пышные парики. Маски помогали актерам исполнять сразу несколько ролей. Для каждого персонажа трагедии изготавливали несколько масок, соответствовавших его полу, возрасту и характеру. Черты маски отражали различные чувства и настроения, и их смена по ходу действия позволяла показать изменения душевного состояния героев. Маски не давали актерам использовать мимические средства игры, но этот недостаток с лихвой восполнялся высокой техникой движений и жестов рук, а также прекрасно поставленными голосами.

Большая роль в подготовке трагедии принадлежала хорегу — богатому гражданину, который в качестве общественной повинности (литургии) должен был на свои средства провести постановку. Архонт назначал хорега каждому драматургу, и тот должен был оплатить декорации и костюмы, нанять помещение для репетиций, содержать во время репетиций хор и актеров, а в случае победы — устроить пир.

Пока три трагических поэта оспаривали друг у друга пальму первенства, судейская коллегия из десяти человек выносила свое решение. Победителем считался драматург, занявший первое место, тогда как третье место означало полный провал. Каждый год итоги состязаний заносили на мраморную плиту, которая называлась *дидаскалией*. В *дидаскалиях* указывали время постановки, праздник, на котором провели состязание, имена драматургов и названия их произведений, а также место, которое занял каждый драматург; позднее добавили имена хорегов и первых актеров. По завершении Великих Дионисий *дидаскалии* выставляли у здания афинского театра, где они должны были стоять вплоть до следующего состязания. Впоследствии Аристотель описал эти надписи в своем сочинении «*Дидаскалии*», но его труд был со временем утерян.

Первые трагедии разыгрывались на временных деревянных площадках, которые возводили специально для праздника. Но популярность состязаний драматургов привлекала в Афины все больше людей, поэтому с течением времени возникла потребность в специальном здании. Местом для будущего театра стал юго-восточный склон афинского Акрополя, а его устройство определялось теми условиями, в которых происходили состязания драматургов. Так как ранняя трагедия в основном состояла из песен хора, то центральной частью театра стала круглая площадка *оркестра*, на которой выступали хоревты. В центре первого ряда хора стоял корифей, который от лица хора вел диалог с актерами, находившимися на *сцене* — небольшой прямоугольной площадке, примыкающей к оркестру. В центре оркестры стоял алтарь Диониса, где богу совершали жертвоприношения в начале состязаний. С трех сторон оркестру окружали места для зрителей — *театрон*. В афинском театре трехъярусный театр был расположен по склону Акрополя, поднимаясь вверх от оркестры на 78 рядов. Зрители, которым предстояло провести целый день в театре, располагались на каменных скамьях, принося с собой одеяла и подушки, еду и вино. Первый ряд предназначался для почетных гостей, глав-

ным среди которых был жрец бога Диониса, для которого изготовили роскошное кресло из мрамора. Театр Диониса в Афинах мог вместить до 17 тыс. зрителей.

В театре зрители смотрели трагедии, в которых поднимались важнейшие вопросы современной жизни – место человека в этом мире, взаимоотношения людей и богов, проблемы добродетели и преступления, нравственности и безнравственности – все это делало театр значительным явлением общественной жизни, играющим большую роль в воспитании и образовании граждан полиса. При Перикле был создан фонд «зрелищных денег», оплачивая беднейшим гражданам посещение театра. Афинская публика была чрезвычайно активной, выражая криками и свистом свое одобрение или негодование. Поэтому за порядком в театре следили специальные смотрители, вооруженные дубинками, – рабдохи.

Первым известным нам драматургом был *Феспид* из Икарии (VI в. до н. э.), который в 534 г. до н. э. поставил трагедию на Великих Дионисиях. Ему приписывают введение в трагедию первого актера, в качестве которого выступал он сам, и первых масок. От Феспиды не сохранилось ни одной трагедии даже в отрывках; в поздних источниках упоминались названия нескольких его трагедий. Его младший современник, трагический поэт Фриних, прославился введением в трагедию первых женских ролей и женских масок, а также тем, что писал трагедии не только на мифологические сюжеты, но и на исторические. Трагедия Фриниха «Взятие Милета» (492 г. до н. э.) была посвящена восстанию города против персов, которое закончилось поражением и разрушением Милета (494 г. до н. э.). Трагедия так потрясла зрителей, что многие из них в театре рыдали, что завершилось для драматурга штрафом в 1000 драхм за «напоминания о несчастьях родины». Трагедия Фриниха «Финикиянки» была посвящена битве при Саламине. Этот сюжет позднее был переработан Эсхилом в трагедии «Персы». От ранних драматургов не сохранилось текстов драм, но в их творчестве были заложены основы греческой классической трагедии. V в. до н. э. – это время расцвета греческой трагедии, это эпоха трех великих трагиков – Эсхила, Софокла, Еврипида, чьи произведения вошли в сокровищницу мировой драматургии.

Первым трагическим поэтом, драмы которого сохранились целиком до наших дней, был *Эсхил* (525–456 гг. до н. э.). Его отец, Эвфорион, человек знатный и богатый, был уроженцем небольшого местечка Элевсины, недалеко от Афин. Юность Эсхила совпала со свержением тирании в Афинах и изгнанием тирана Гиппия в 510 г. до н. э. и проведением демократических реформ Клисфена в 508 г. до н. э. Однако наиболее важным событием, которое определило жизнь Эсхила, стали Греко-персидские войны (500–449 гг. до н. э.). Эсхил и его братья принимали участие в основных военных кампаниях против персов. Один из братьев Эсхила, Кинегир, погиб в битве при Марафоне, другой брат, Аминий, по сведениям Геродота, командовал кораблем в битве при Саламине. Сам Эсхил принимал участие в битвах при Марафоне (490 г. до н. э.), Саламине (480 г. до н. э.) и Платеях (479 г. до н. э.).

Эсхил рано начал писать трагедии; его первое участие в состязании драматургов состоялось, когда ему было 25 лет, а первая победа относится к 484 г. до н. э. Тринадцать раз Эсхил был победителем в состязаниях трагических поэтов на Дионисиях. Однако в последние годы его жизни удача стала изменять драматургу, и в 468 г. до н. э. Эсхил испытал горечь поражения от юного Софокла. Через десять лет, в 458 г. до н. э., он одержал блестящую победу с трилогией «Орестея», после чего покинул Афины и переселился на Сицилию. При дворе сицилийского тирана Гиерона Сиракузского Эсхил поставил трагедию «Этнянки» и повторно трагедию «Персы». В 456 г. до н. э. Эсхил умер в сицилийском городе Геле, где и был погребен. Согласно поздней легенде, он умер, когда пролетающий над его головой орел сбросил ему на голову черепаху.

Главной заслугой Эсхила считается введение второго актера, что дало возможность увеличить количество персонажей, постепенно развивать диалог и действие. Также традиция приписывает Эсхилу изобретение котурнов и формы трагического костюма, введение раскры-

шенных масок. На примере трагедий Эсхила можно проследить, как постепенно развивается структура греческой трагедии. В ранних драмах Эсхила, таких как «Персы», еще нет пролога, монолог превалирует над диалогом, а хор является главным действующим лицом. В трилогии «Орестея» (458 г. до н. э.), которая была написана уже на трех актеров, мы видим, что автор больше внимания уделяет персонажам трагедии, а диалог ведется не только между актером и хором, но и между актерами.

Эсхилу приписывали около 90 драм, из которых до нашего времени целиком сохранилось 7 трагедий, точное время постановки которых не всегда известно («Просительницы», «Персы», «Семеро против Фив», «Прометей Прикованный» и трилогия «Орестея»), и множество фрагментов несохранившихся целиком драм. У большинства греческих драматургов, сюжеты трагедий Эсхила были написаны на основе мифов, за исключением трагедии «Персы», единственной дошедшей до нас целиком греческой трагедии на исторический сюжет.

Трагедия «Персы» была посвящена победе афинского флота над персидским в битве при Саламине (580 г. до н. э.) и поставлена через несколько лет после Саламинской битвы. Хорегом постановки выступал молодой Перикл. Трагедия являлась составной частью тетралогии, в состав которой входили также трагедии «Финей» и «Главк Понтийский», и сатирическая драма «Прометей, зажигатель огня», которая не была связана с другими драмами по содержанию. Действие в «Персах» происходит в Сузах, одной из четырех столиц Великой Персидской державы. Хор, состоящий из персидских старейшин, в ожидании известий об итогах большой битвы в Греции вспоминает огромное войско персов. Его песнь полна надежды на победу, к которой примешивается некая тревога. Мать Ксеркса, царица Атосса, рассказывает хору о сне, который она видела накануне и который внушил ей недобрые предчувствия. И наконец, появляется Вестник с рассказом о поражении и полном разгроме персидского флота при Саламине. Его монолог составляет центральную часть трагедии. Атосса отправляется на могилу царя Дария и вызывает его тень, которая вещает, что поражение персов является наказанием богов за «гордыню» Ксеркса, и предостерегает от нового похода против греков, который также закончится поражением (подразумевая битву при Платеях). Последним появляется царь Ксеркс, оплакивающий вместе с хором гибель своего войска.

Трагедия «Персы» носит патриотический характер. В ней Эсхил показал, что победа греков была закономерна во многом благодаря особенностям государственного устройства полиса. Деспотии персов автор противопоставляет свободу греков. Хор персов с изумлением слушает рассказ о свободных греках, которые сражаются за свой город, семью и алтари предков. Персидский царь Ксеркс показан как жестокий тиран, гордыня которого привела страну к катастрофе и от которого отвернулись даже боги. Лелея честолюбивые замыслы, Ксеркс нарушил волю богов и перешел Босфор, заковав его цепями, а персы осквернили греческие святыни. Тень царя Дария предупреждает персов, что сохранить свою страну они смогут только при условии, что никогда не будут воевать с греками.

«Орестея» – единственная целиком дошедшая до нас трилогия. Она состоит из трех частей – «Агамемнон», «Хоэфоры» («Жертвы над гробом») и «Эвмениды». Сюжет о смерти царя Агамемнона Эсхил заимствовал из троянского кикла и связал с темой родового проклятия Атридов. В гомеровском эпосе убийцей Агамемнона был назван Эгисф, сын Фиеста, двоюродный брат Агамемнона, тогда как жена Агамемнона, Клитемнестра, – любовницей и сообщницей Эгисфа. Эсхил же использовал версию лирического поэта Стесихора, который обвинил в убийстве Клитемнестру.

В «Орестее» Эсхил обращается к теме мести Ореста за смерть своего отца Агамемнона, трактуя ее с точки зрения полисной идеологии, торжества высшего нравственного закона. Действие первой части трилогии, трагедии «Агамемнон», происходит в Аргосе, где Клитемнестра ждет возвращения мужа из-под Трои. Хор старцев вспоминает о начале похода, о том, что Агамемнон принес в жертву богине Артемиде собственную дочь Ифигению, чтобы добиться

попутного ветра и плыть в Трою. Появляется Вестник, который сообщает царице о падении Трои и победе греков. Вскоре возвращается Агамемнон вместе с пленницей, дочерью троянского царя Приама, пророчицей Кассандрой. Клитемнестра устраивает мужу торжественную встречу и приказывает расстелить пурпурный ковер, по которому Агамемнон входит во дворец. Кассандра, терзаемая ужасным предчувствием, предсказывает близкую смерть Агамемнона и свою собственную. Клитемнестра убивает Агамемнона и Кассандру, объясняя свой поступок хору местью за Ифигению. Хор обвиняет в злодеянии Клитемнестру и Эгисфа и выражает надежду, что Орест отомстит за отца. Действие второй части трилогии, «Хозэффоры», происходит через несколько лет. Повзрослевший Орест возвращается вместе со своим другом Пиладом. Он знает, что должен выполнить волю Аполлона и отомстить за отца, но мысль, что ради этого придется убить свою мать, ужасает Ореста. На могиле отца он встречается со своей сестрой Электрой, и вместе они вырабатывают план мести, распустив ложные слухи о мнимой гибели Ореста. Проникнув во дворец, Орест убивает Эгисфа, однако никак не может решиться убить Клитемнестру, так что Пиладу приходится напомнить ему о воле Аполлона. Но, совершив матереубийство, Орест видит вокруг себя ужасных богинь мщения, Эриний, от которых он пытается скрыться в храме Аполлона. Действие третьей части трилогии, «Эвмениды», происходит в Афинах, куда по приказу Аполлона отправляется Орест, чтобы предстать перед судом богини Афины. В специально созданном богиней суде Ареопага Эриний требуют наказания Ореста. Афинский Ареопаг был показан им как идеальный орган государственного управления, символ высшей и божественной справедливости. За Ореста вступаются Аполлон и Афина. После голосования Орест был оправдан, Эриниям же Афина обещает соблюдение их прав и возведение нового святилища в Афинах, где их будут почитать под именем Эвменид («милостивых»).

В «Орестее» Эсхил поднимает целый ряд морально-этических проблем. Идея справедливого возмездия переплетается с темой родового проклятия. Демонстрируя силу божественной воли, Эсхил в то же время показывает, что решение этой воли зависит от нравственного выбора человека. Агамемнон, отправившийся в поход на Трою, служил справедливому возмездию троянцев и Париса, нарушивших священный закон гостеприимства. Но победа была получена слишком дорогой ценой. Агамемнон приносит в жертву Ифигению, греки разрушили храмы богов в Трое, вся Греция погружается в траур, оплакивая своих погибших отцов, мужей, сыновей. Клитемнестра, ссылаясь на волю рока, в своей мести больше руководствуется личными мотивами – ненавистью к мужу и любовью к Эгисфу. Она вступила на путь преступления, нарушив узы священного брака и решившись на прелюбодеяние и убийство. Полагая, что смерть Агамемнона поставит точку в родовом проклятии Атридов, Клитемнестра становится его следующей жертвой. Орест должен выполнить приказ Аполлона и отомстить за отца, но решение убить свою мать дается ему нелегко, и, совершив месть, он сам становится жертвой Эриний. И только суд в Афинах, где Эсхил показал столкновение старой родовой морали и новых социально-этических принципов полисной организации, оправдывает его.

Самой известной трагедией Эсхила в мировой драматургии стал «Прометей Прикованный», являющийся частью трилогии о титане Прометее (другие части трилогии – «Прометей огненосец» и «Прометей освобожденный»). Миф о Прометее впервые упоминался в поэмах «Труды и дни» и «Теогония» беотийского поэта Гесиода (VII в. до н. э.). Однако у Гесиода Прометей – хитрец и обманщик, который ловко провел Зевса в истории с первым жертвоприношением и украл огонь, чтобы передать его людям. Гесиод подчеркивает, что этим поступком Прометей больше навредил людям, т. к. навлек на них гнев Зевса. В отличие от Гесиода, у Эсхила история с жертвоприношением даже не упоминается, и главной целью Прометея становится служение людям, которым он передал не только огонь, но и знания, мудрость, умение мыслить разумно. Прометей у Эсхила – древний бог, сын Геи-Фемиды, способный предвидеть будущее. Он знает, что за отказ открыть Зевсу некую тайну будет наказан, но это знание дает ему силу

смело встретить свою судьбу. Прометей противостоит произволу и насилию Зевса, которого Эсхил показал в трагедии жестоким тираном, который правит на Олимпе, не ведая никаких законов. Эсхил создал новый образ Прометея, отстаивающего права людей и смело противостоящего власти Зевса. Именно этот образ Прометея позднее стал классическим в мировой литературе.

Новый этап греческой классической трагедии пришелся на 2-ю пол. V в. до н. э. После смерти Эсхила ведущее положение в афинском театре занял *Софокл* (496–406 гг. до н. э.), сын богатого владельца оружейной мастерской. Софокл получил хорошее образование, владел искусством танца и игры на кифаре, прекрасно играл в мяч. После битвы при Саламине он возглавлял хор, исполнявший торжественный эпиникий в честь победы. Софокл входил в окружение Перикла, был дружен со многими художниками, историками и философами. Он пользовался любовью и уважением афинских граждан. Софокл принимал активное участие в общественно-политической жизни Афин. В разные годы он был избран в коллегию стратегов, а также возглавлял коллегию эллинотамиев (казначеев Афинского Морского Союза), был избран жрецом Асклепия. Он умер в 406 г., во время Пелопоннесской войны, когда Афины из последних сил сопротивлялись спартанцам, и не увидел поражение родного города.

Софоклу приписывают проведение ряда важных театральных реформ: он ввел третьего актера, увеличил количество участников трагического хора с 12 до 15 человек, нарушил принцип связной тетралогии. На первых порах Софокл, как и Эсхил, был актером в своих трагедиях, но впоследствии из-за слабого голоса он прекратил выступления. Первая победа Софокла на Великих Дионисиях датируется 468 г. до н. э., и, согласно поздней традиции, Софокл одержал ее над Эсхилом. На состязаниях драматургов Софокл занимал первые или вторые места и никогда третьи. Достоверно известно о 24 его победах – 18 побед он одержал на Великих Дионисиях и 6 побед – на Ленеях. Дожив до 90 лет, Софокл умер, так и не узнав горечи поражения на сцене.

Творческое наследие Софокла составило 123 драмы, из которых сохранилось целиком только семь. В его трагедиях хор постепенно теряет свое значение. Введение третьего актера позволило увеличить количество действующих лиц и сделать более активным диалог между ними. Нарушение принципа связной трилогии приводит к увеличению пролога, а действие трагедии в рамках одной драмы становится более динамичным.

Из сохранившихся целиком 7 трагедий Софокла три были написаны на основе троянского кикла («Аякс», «Филоктет» и «Электра»), а сюжет трагедии «Трахинянки» основан на мифе о Геракле. Наибольшую известность в мировой драматургии получил «фиванский цикл» Софокла – «Царь Эдип», «Антигона», «Эдип в Колоне», в которых поэт поднимает важнейшие морально-этические проблемы.

Сюжет трагедии «Царь Эдип» основан на мифе о родовом проклятии Лабдакидов. Фиванский царь Лай, сын Лабдака, получил предсказание оракула, что ему суждено умереть от руки собственного сына. Поэтому Лай приказал убить своего новорожденного ребенка, но слуга пожалел мальчика и отдал его пастуху из Коринфа. Мальчик позднее был усыновлен коринфским царем Полибом, которого считал своим отцом. Когда Эдип подрос, то узнал о пророчестве, согласно которому ему было суждено убить родного отца и жениться на собственной матери. Не подозревая, что Полиб не является его родным отцом, Эдип решает покинуть Коринф, надеясь таким образом избежать предназначенной ему ужасной судьбы. Однако на дороге в Фивы он вступает в перепалку с неким стариком на колеснице и в завязавшейся драке убивает его и его спутников. Этим стариком был Лай, настоящий отец Эдипа. Так сбылась первая часть пророчества. После победы над Сфинксом Эдип торжественно вступает в Фивы. Его чествуют как героя, избавившего город от чудовища, и он женится на вдове царя, Иокасте, погибшего от рук неизвестного разбойника, не подозревая, что это его родная мать. Так сбылась вторая часть пророчества. Следующие несколько лет Эдип справедливо и мудро правил в

Фивах, пока в городе не разразилась эпидемия чумы. Пытаясь найти причину бедствия, жители города обращаются за советом к дельфийскому оракулу. Оракул сообщает им, что боги прогневались на город за то, что в нем живет убийца царя Лая, которого следует изгнать. С этого начинается трагедия Софокла. Сам Эдип, не подозревая, что ужасное предсказание сбылось и он убил своего отца и женился на своей матери, активно принимается за розыски убийцы. Эдип шаг за шагом раскрывает ужасную правду, что составляет основную часть трагедии. Софокл сосредоточил внимание зрителей на чувствах и переживаниях своего героя. В конце Эдип понимает, что убийцей является он сам. Узнав правду, Иокаста лишает себя жизни, а Эдип, испытав глубокое потрясение, ослепляет себя и осуждает на изгнание. Пытаясь избежать своей судьбы, Эдип, мудрый правитель и смелый герой, пережил крах своих стремлений и в финале предстает перед зрителями готовым к наказанию, которому сам себя подвергает.

Высшая истина проявляется в воле богов, тогда как возможности человека в этом мире весьма ограничены. Герои Софокла – яркие, сильные личности, не испытывающие сомнений и колебаний в правильности их нравственного выбора. Но человек бессилен перед волей богов. Боги у Софокла – это могущественная сила, которую человеку не дано постичь, и лучшее, что он может сделать, – это беспрекословно подчиниться. Судьба Эдипа стала воплощением неотвратимости судьбы и бессмысленных попыток человека бороться с ней. В трагедии «Эдип в Колоне» Софокл пробуждает у зрителей чувство сострадания к своему герою. В сопровождении своей дочери Антигоны слепой Эдип приходит в Колон, где находит покровительство у афинского царя Тезея. Эдип проклинает своих сыновей, Этеокла и Полиника, которые в борьбе за власть развязали войну в Фивах, и находит успокоение в священной роще Эвменид.

Печальная судьба дочери Эдипа, Антигоны, из одноименной трагедии. После войны за Фивы оба брата Антигоны, Этеокл и Полиник, пали в единоборстве. Новый правитель Фив, Креонт, запрещает хоронить Полиника, ибо он предал свой город и привел в него вражеское войско. Однако Антигона нарушает запрет Креонта и проводит над телом брата погребальный обряд. Креонт негодует, что она нарушила закон, но Антигона говорит о том, что следовала высшим, божественным законам, которые гораздо важнее, чем законы людей. Несмотря на просьбы сына Креонта, Гемона, пощадить Антигону, ее осуждают на казнь и замуровывают в подземном склепе. Однако и сам Креонт понесет наказание за свое самомнение и гордыню. Он теряет сына и жену и, проклиная себя, оплакивает свою бессмысленную теперь жизнь.

Младшим современником Софокла был *Еврипид* (480–406 гг. до н. э.). Он родился в состоятельной афинской семье, получил хорошее образование. В отличие от Эсхила и Софокла, Еврипид не принимал активного участия в общественной и политической жизни Афин, вел замкнутый образ жизни, общаясь с узким кругом друзей, в который входили философы Анаксагор и Архелай, софисты Протагор и Продик. Известно, что у Еврипида была крупная библиотека. Творчество Еврипида совпало с кризисом полисной идеологии, когда общественные взгляды и моральные устои подвергались пересмотру. Еврипид отразил в своих трагедиях новые тенденции в обществе, во многом сформировавшиеся под влиянием софистов, однако успеха они ему не принесли. Впервые он принял участие в состязаниях драматургов в 455 г. до н. э. с трагедией «Пелиады», но занял третье место. Свою первую победу он одержал только в 441 г. до н. э. Всего пять раз поэт побеждал на Великих Дионисиях, причем дважды – посмертно, с трагедиями «Вакханки» и «Ифигения в Авлиде». Произведения поэта не пользовались успехом у его современников. Публика часто криками прерывала его трагедии, а сам поэт служил постоянной мишенью для насмешек авторов древней комедии, особенно Аристофана. В комедии «Лягушки» Аристофан высмеял принципы трагедий Еврипида, а в комедии «Женщины на празднике Фесмофорий» показал женщин, которые решили побить Еврипида за его злостную клевету на них. Поздняя традиция сохранила предание, что, когда публика потребовала убрать некий текст из его трагедии, Еврипид вышел на сцену и якобы заявил, что имеет обычай писать пьесы для того, чтобы учить народ, а не учиться у него.

В 408 г. до н. э. Еврипид покинул Афины и переехал в Македонию по личному приглашению царя Архелая. В Македонии Еврипид написал еще две трагедии – «Архелай» и «Вакханки». Он умер в 406 г. до н. э. и был похоронен в столице Македонии Пелле.

Еврипиду приписывается около 90 драм, из которых целиком до наших дней сохранилось 18 (17 трагедий и одна сатирова драма «Киклоп»). Сюжеты из троянского кикла стали основой его трагедий «Ифигения в Авлиде», «Ифигения в Тавриде», «Троянки», «Гекуба», «Елена», «Андромаха», «Электра», «Орест», а фиванского кикла – «Вакханки», «Финикиянки» и «Проксительницы». Еврипид существенно расширит тематику древней трагедии. Мифы о Геракле послужили темой трагедий «Безумный Геракл», «Гераклиды» и «Алкеста», миф о походе Аргонавтов – трагедии «Медея», афинская мифология – трагедиям «Ипполит» и «Ион», мифология Диониса – трагедии «Вакханки». Кроме того, сохранилось множество фрагментов других трагедий. Высокая степень сохранности трагедий Еврипида, по сравнению с трагедиями Эсхила и Софокла, объясняется тем, что его трагедии стали необыкновенно популярны в греческом театре в эпоху эллинизма (III–I вв. до н. э.). Еврипид создал новый тип греческой трагедии, опередив свое время и не был понят современниками.

Еврипид снизил героический пафос древней трагедии, внес в нее бытовую, семейную тематику. Хор у него постепенно теряет значение, на первый план выступают персонажи его драм. Еврипиду была свойственна детальная проработка характеров героев и высокий психологизм их образов, недаром говорили, что Софокл изображал людей такими, какими они должны были быть, тогда как Еврипид показал их такими, какие они есть на самом деле. В этом состояла величайшая заслуга поэта. В трагедиях Еврипид раскрыл глубину истинных чувств и мыслей людей, показал сложный психологический образ человека, всю палитру его чувств – гнев и ярость, любовь и ревность, зависть и месть. Сильные эмоции, накал страстей часто приводят героев Еврипида к нравственной, а подчас и физической гибели: буйствующие вакханки во главе с Агавой разрывают на части Пенфея («Вакханки»), ослепленный безумием Геракл убивает свою семью («Геракл»), больная от ревности Медея лишает жизни собственных детей («Медея»). В отличие от Софокла, Еврипид не верит в справедливость богов, часто именно боги повинны в несчастиях людей. Еврипид показывает, что богам также присущи человеческие слабости. Афродита по злобе губит Ипполита и Федру («Ипполит»), Аполлон обольщает и бросает Креусу («Ион»), Гера насылает безумие на Геракла, и тот убивает свою семью («Безумный Геракл»).

Еврипид ввел в трагедию интригу и впервые сделал любовную страсть темой греческой трагедии. В так называемых трагедиях страстей («Медея» и «Ипполит») Еврипид показал новых героинь греческой трагедии – женщин любящих и страстных, готовых погубить своих врагов и самим погибнуть. В трагедии «Медея» (431 г. до н. э.) действие происходит в Коринфе, куда после путешествия в Колхину за золотым руном вынуждены были бежать из Иолка Ясон и Медея, после того как Медея убила царя Пелия. Ясон собирается бросить Медею и жениться на Главке, дочери царя Коринфа, Креонта. Медея узнает о замысле мужа и решает отомстить. Еврипид мастерски изобразил горе и отчаяние обманутой и брошенной женщины, которое оборачивается для всех участников драмы ужасными последствиями. Шаг за шагом зритель может проследить, как Медея совершает свою страшную месть. Она губит свою соперницу, Главку, и ее отца Креонта. Но этого ей кажется мало, и постепенно она приходит к страшной мысли убить своих сыновей от Ясона. Медея-женщина борется с Медей-матерью, ненависть к Ясону борется с любовью к сыновьям. Еврипид изменил миф – в ранней традиции толпа коринфян, возмущенных преступлениями Медеи, врывается в храм, где она прячется с сыновьями и убивает детей. У Еврипида Медея сама осуществляет задуманное убийство сыновей и даже не дает Ясону их тела для погребения. Она покидает Коринф, улетая на колеснице бога Гелиоса. В поздней традиции сохранилось предание, что якобы жители Коринфа попросили Еврипида изобразить Медею убийцей своих детей.

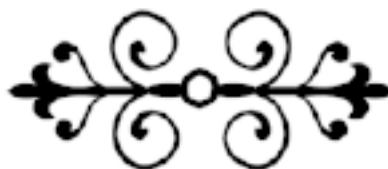
Страданиям Федры от неразделенной любви к своему пасынку Ипполиту посвящена трагедия «Ипполит» (428 г. до н. э.). До наших дней сохранилась вторая редакция этой трагедии, в которой Еврипид существенно переработал сюжет. Сын афинского царя Тезея, юный Ипполит почитает богиню охоты Артемиду и сторонится богини любви Афродиты. В гневе Афродита решает отомстить и внушает страсть к Ипполиту его мачехе Федре. Федра не в силах бороться с безответной и преступной любовью к пасынку и хочет умереть. Ее кормилица, желая помочь, рассказывает о любви Федры Ипполиту, чем вызывает справедливое негодование юноши. В ужасе от того, что ее тайна может быть всем раскрыта, Федра принимает решение покончить с собой, но перед смертью оставляет записку своему мужу, Тезею, в которой обвиняет в своей смерти Ипполита, якобы обесчестившего ее. Афинский царь Тезей, вернувшийся домой после долгого отсутствия, узнает о случившемся и изгоняет Ипполита. Он проклинает сына, и по воле Посейдона Ипполит гибнет, разбившись на колеснице. Тезей радуется, что возмездие совершилось, но Артемида сообщает Тезею о невиновности сына, который погиб из-за гнева Афродиты. Еврипид прекрасно показал, что Федра, страдающая от безответного и преступного чувства, невинно оклеветанный Ипполит, обманутый Тезеем всего лишь жертвы вражды Афродиты и Артемиды.

Последней трагедией Еврипида стали «Вакханки», которую он написал в Македонии. Поэт использует миф о фиванском царе Пенфее, который отказывался признавать власть Диониса. Гордый и самоуверенный Пенфей видит в служении Дионису только обман и разврат. В ответ Дионис насыляет безумие на фиванских женщин. Вакханки во главе с матерью Пенфея, царицей Агавой, разрывают его на части. Агава, насадив голову сына на копье, во главе шествия безумных женщин идет во дворец. Когда же безумие отступило, Агава в ужасе понимает, что убила собственного сына. Дионис, подобно Афродите в «Ипполите», показан злобным и мстительным богом и не вызывает симпатий зрителей.

Несмотря на то что Еврипид не получил признания современников, его трагедии пользовались большой популярностью в эпоху эллинизма, позднее – в Риме и стали основой европейской трагедии в эпоху Возрождения и классицизма.

Творчество Эсхила, Софокла и Еврипида стало величайшим достижением греческой литературы и во многом определило дальнейшее развитие мировой драмы. Именно греческая трагедия является тем фундаментом, на котором создавали свои шедевры Расин и Корнель, Шекспир и Шиллер. И по сей день греческая трагедия не утратила своей актуальности, ибо темы, которые в ней поднимались, вечны – патриотизм и долг перед родиной, вера в справедливость, любовь и верность. Поэтому герои трагедий Эсхила, Софокла и Еврипида останутся с нами навсегда.

Гвоздева Т.Б.

Эсхил

Персы *Стихи 1–1045*

Действующие лица

Хор старцев, составляющих Государственный совет Персии, именуемый Советом Верных

Атосса, вдова царя Дария, мать царя Ксеркса

Вестник

Тень Дария

Ксеркс

ПАРОД

Площадь перед дворцом персидских царей в Сузах.
В стороне от орхестры мавзолеев Дария.

Предводитель хора

Вот мы, Верных Совет, как доверенных слуг
Государя зовут.

На Элладу пошел весь персидский народ;
Мы ж оставлены – кремль и несметных богатств
Кладовые стеречь. И сам Дария сын
Заповедал нам, Ксеркс, как старейшим,
Дозирать за него, самодержца.

Но тревожится дух о возврате царя
И полков, дорогим отягченных добром;
¹⁰ И раздумье томит, и сомненье гнетет,
И предчувствие беды пророчит.

Вся асийская мощь молодая ушла
В чуждальний предел;
А вестей нет как нет, и не скачут гонцы,
Возглашая победы, в столицу:
А ведь все поднялись – с Экбатаны, от Суз,
От Киссийских родных, стародавних твердынь, —
Поднялись, потекли,
На конях и пешком, и на черных судах:
Ополчились тмы

²⁰ И густою подвиглися тучей.
И ведет их Амнестр, и ведет Артафрен,
Мегабат их ведет, и ведет их Астасп, —
Сил персидских вожди,

Воеводы-цари, но владыке владык,
Ксерксу, данники все; каждый полчищ своих
Властелин и гроза; каждый, с луком кривым,
На коне, богатырь, страховиден и лют,
Браннолюбием в сечах ужасен.
Им в подмогу летит на конях Артембар,
³⁰ Выступают Масистр, Фарандак и Имэй
Благородный, стрелок из стрелков, и Сосфен
Колесницы гремящие гонит.
И – кормилец поток – многосемянный Нил —
Соревнует людьми приумножить поход:
Ряд египтян ведут
Властелин Сусискан, и Пегас, и Тагон,
И великий Арсам, князь мемфисских святынь,
И божественных Фив судия, Ариомард;
Скороходы лагун, выплывают гребцы
⁴⁰ На бесчисленных нильских галерах.
И лидийцы от нег отказались для битв,
И других привели уроженцев тех мест:
С ними слуги царя —
Митрогат и Арктей, многодоблестный муж.
И от Сард золотых боевые ряды
Четверней, шестерней запряженных коней
Колесницы влекут, – и единый их вид,
И единый их звук устрашает.
И удолий, что Тмол осеняет святой,
⁵⁰ Устремились жильцы на Элладу взвалить
Подневольный ярем. Фарибид и Мардон
(Их копье не берет, копьеборцев лихих)
Выезжают и вслед в ошетенный лес
Пик мисийских влачат. И богач – Вавилон
Смесь людскую рекой извергает: отбор
Метких лучников, люд корабельный.
И языки степей азиатских мечом
Препоясались, – все
За знаменами Ксеркса влекутся.
Столь огромен был сбор, столь несметны войска!
⁶⁰ Все снялись, все ушли. И всей Азии плач
Неумолчно зовет вожденный свой цвет;
А тоска матерей, а отчаянье жен
Дням унылым и счет потеряли.

Хор

С т р о ф а I Прегражден путь:
Как река – понт.
А об бн-пол

Там чужой край¹,
Медяных скреп
И льняных уз
Не жалел царь,
И настлал гать,
И навел мост:
На чужой брег
Перевел рать —
Через пролив тот,
Где нашла гроб
В старину дочь
⁷⁰ Афаманта, —
И в ярмо впряг
Роковой понт.

А н т и с т р о ф а I Ты людских стад
Волопас, Ксеркс!
Из степных недр,
Из асийских —
Гонит тмы тем
Пастуха жезл.
По мостам шлют,
По хребтам волн
За полком полк
Главари сил.
И вождей вождь —
С ними ты, бог,
⁸⁰ В чьей крови жив
Золотой дождь,
Что низвел Зевс
На твою, царь,
На праматерь!

С т р о ф а II Грозовой тьмой
Омрача взор,
Огневой змий —
О числе рук
Необъятном, —
Кораблей дух —
О числе крыл
О несметном, —
Ты катишь, царь,
И пуки стрел
С тетевы шлешь
В копьеборцев!

А н т и с т р о ф а II Кто найдет мощь

---

¹ Вариант — «брег».

Медяных мышц
Супротив стать
Боевых тем?
Богатырь, кто
⁹⁰ Запрудит хлябь
И разбег волн
Обратит вспять?
Кто б тебе, перс,
Возбранил путь?
Кто б тебя, перс,
Одолеть мог?..
Но богов мечь
Сторожит нас
И кует ков
Тихомолком:
Как ни будь скор.
На узлы пут
Оперев пядь,
Не отпрянешь.
Невдомек нам
Потайной плен:
Ибо скрыл в лещь,
Разубрал в ложь
¹⁰⁰ Западню Рок.
Удался лов, —
Из тенет тех
Не унести ног.
Кто попал в сеть,
Не уйдет цел.

С т р о ф а III От богов, знать,
На роду нам
Эта участь, —
И на то, перс,
Родился ты,
Чтоб коней гнать
На лихой пир
Удалых сеч,
Чтоб грозой битв
За кремлем кремль
Повергать в прах —
И за градом рушить град!

А н т и с т р о ф а III От богов, знать,
Научен ты
Поборать хлябь,
Чтоб крутой ветер
Убелил всю
Сединой бурь,

¹¹⁰ Пролагать путь
Через лес волн
И снастей ткань
За оплот чтить
Под игрой гроз,
И доскам вверять войска!

С т р о ф а IV Входит в душу бледный страх,
В ризе черной с ним печаль.
Увы! Увы!
Если цвет персидских войск
Рок пожнет,
Опустеет гордый град!

А н т и с т р о ф а IV И киссийских древних стен
¹²⁰ Будет вторить гулкий свод:
Увы! Увы!
Женщинам на площади,
Рвущим риз
Многоценный в ключья лен.

С т р о ф а V Ибо вдруг
С мест ушел
Конный люд и пеший люд
Всей земли,
Вслед вождю,
¹³⁰ Словно рой
Вешних пчел из улья вон, —
В заморский край, стезей, два берега
Дивным сопряг царь звеном
В цепь одну, чрез море.

А н т и с т р о ф а V В лóбницах
Слезы льют
Вдовы по живым мужьям.
Горе вам,
Женский сонм,
Вдовый сонм!
Милый друг, могучий друг
Покинул дом, суровый воин.
Упряг двойной, два ярма
Как нести безмужней?

Эписодий первый

Предводитель хора

¹⁴⁰ Подобаает совет
Нам, о персы, жилицы вековечных твердынь,

Совокупно держать, и нужда настоит
Верным думу глубокую думать.
Как тут быть? Что с царем?
Где божественный Ксеркс, бога Дария сын,
Чья Персеева кровь имя персам дала?
Напряженный ли лук побеждает в борьбе
Или жало копья,
Устремленного крепкой десницей?
Но, как око богов, засветился нам свет:
¹⁵⁰ То выходит царя венценосная мать
И царица моя! Припадем же к стопам
Государыни все и приветственных слов
Принесем ей согласные дани!

Хор приветствует вышедшую из дворца **Атоссу** коленопреклонением.

Хор

Мать владыки, длинноризых жен Персиды госпожа,
Здравствуй, старица-царица, здравствуй, Дария вдова!
С богом ложе ты делила, бога персам родила,
Коль от войска демон древний в эти дни не отступил.

Атосса

Из палат, одетых златом, выхожу в кручине к вам,
¹⁶⁰ Старцы, ложницу покинув, где я с Дарием спала, —
Рассказать, какая дума камнем на сердце легла.
Други, вам признаюсь: душу мне волнует тайный страх,
Как бы дерзостный Избыток, все богатства, что собрал
Не без воли божьей Дарий, не столкнул ногой во прах,
Пыль столбом подняв над домом. Две заботы дух томят:
Изобилье не почетно без мужей; и доли нет,
Громких подвигов достойной, если беден сильный муж.
Так, в хоромаш — злата груды, пред очами бледный страх:
Око дома, мню, — владыка: нет его, — и свет потух.
¹⁷⁰ Вот об этом, — как годину пережить, — и будьте мне
Вы советниками, персы, мудрых старцев верный сонм.
От кого ж, как не от вас мне, и советов добрых ждать?

Предводитель хора

Знай, царица: нам не дважды слово молвить ты должна,
Речью ль, делом ли прикажешь доказать, что можем мы;
Совещанья ль удостоишь, ту же преданность явим.

Атосса

Не мало посещают грез ночных меня
С тех пор, как сын мой воинство в поход послал
И сам ушел ионян разорять страну.
Но все ж доселе не было столь явственных,

¹⁸⁰ Как прошлой ночью, знамений. Мне снился сон:

Предстали близко, в пышных одеяниях,
Две женщины: персидский на одной наряд,
А на другой – дорийский. Наших жен они
И ростом превосходней, и красой лица;
И, мнится, сестры обе из одной семьи.
И знаю, будто этой – зéмли эллинов,
Той – варваров достались в родовой удел.
И ссору сестры некую затеяли;
И сын мой будто тут же. Хочет мир меж них

¹⁹⁰ Наладить, укротить их. А потом запряг

Обеих в колесницу и набросил им
Ярмо на выи. В упряжи красуется
Одна, как башня, и браздам покорствуется;
Брыкается другая и руками рвет
Постромки, возжи, – силой выбивается,
Узду похитив, иго пополам сломив.
Упал возница. Дарий, наклонясь над ним,
О сыне сожалеет. Ксеркс, узрев отца,
На теле раздирает ризы царские.

²⁰⁰ Такой мне этой ночью сон привиделся.

Я, встав с постели, руки ключевой водой
Омыла и с дарами к алтарю пошла,
Принести богам гостинец в отвращенье бед,
Как следует по чину. В этот миг орел
Слетает, – вижу, – к жертвеннику Фебову,
Спасаясь от погони. Онемела я
От страха, други! Сокол в то ж мгновение,
Его настигнув, в голову впустил врагу
Кривые когти; рвет он и дерет орла,

²¹⁰ А тот, согбенный, робкий, не противится.

Такие дива видеть привелось мне,
А вам услышать. Сына ж боевой успех
Прославит; в неудаче неподсуден он:
Доколе жив, в Персиде будет царствовать.

Предводитель хора

Ни пугать тебя, царица, ни чрезмерно ободрять
Не хотим. К богам прибегни ты с усердною мольбой:
Если в знаменьях угроза, отвратить беду проси;
Если доброе предвестье, да свершится то добро,
И тебе с детьми на радость, и отечества сынам

²²⁰ Возлияй Земле ты дале, возлияй усопшим ты:

Душу Дария (он ночью, говоришь, тебе предстал!)
Умири, моля, чтоб сыну и тебе из темных недр
Слал на свет благополучье, а противное замкнул
С нежитью в темницу мрака. Слово сердцем внушено:
Всячески добро прибудет, коль слушаешь меня.

Атосса

Сон мой ты услышал, первый, и с участием обсудил;
Дому царскому на пользу будет твой святой совет.
Да свершится ж все во благо! А моления и дары,
Как велишь, богам и милым опочившим принесу,
²³⁰ Лишь опять вернусь в чертоги. Но сейчас хочу узнать:
Пресловутые Афины, – други, где тот град стоит?

Предводитель хора

Госпожа, в стране далекой, – там, где Гелия закат.

Атосса

И тем дальним градом сын мой вожделеет завладеть?

Предводитель хора

Может быть, и вся Эллада им уже покорена.

Атосса

Силы воинской довольно ль в той стране или недохват?

Предводитель хора

Сила та довлекла – много причинить мидянам бед.

Атосса

Чем другим земля богата? Есть достаток в их домах?

Предводитель хора

Есть серебряная жила в тайниках глубоких недр.

Атосса

Лук тугой их руки держат, тучей прыщут метких
стрел?

Предводитель хора

²⁴⁰ Нет, уступчивые копья – их оружие да щиты.

Атосса

Кто ж тех ратей предводитель, самодержный властелин?

Предводитель хора

Подданства они не знают и не служат никому.

Атосса

Но пришельцев грозных силу как же встретят без вождя?

Предводитель хора

Много с Дарием к ним вторглось удалцов: погибли все.

Атосса

Твой ответ ужасен ближним предпринявших сей поход.

Предводитель хора

Не гадательно, не лживо нас осведомит о всем
Этот вестник: порасскажет про набег персидский он.
Ликовать ли нам иль плакать, – время истину узнать.
Входит **Вестник**.

Вестник

О всей земли асийской грады, области!
²⁵⁰ Сокровищ пристань, Персия богатая!
Одним ударом – как величье рушилось!
В мгновение ока долу как поник расцвет!
Увы! Злосчастье – вестникам злосчастия
Предстать впервые. Нудит рок беду гласить.
О персы! Все погибло ваше воинство!

Хор

С т р о ф а I Беда, страшная, неслыханная беда!
Увы! Восплачь, возрыдай, мой народ!

Вестник

²⁶⁰ Со всем великим полчищем покончено,
И сам я вижу свет дневной нечаянно.

Хор

А н т и с т р о ф а I К чему век мой долгодлительный привел?
Изведать скорбь, коей дух не гадал!

Вестник

Свидетель, очевидец, не по слухам я
Поведаю вам, персы, нашу пагубу.

Хор

С т р о ф а II Горе! Слепой поход!
Смесься, всем скопом ринулись
²⁷⁰ Азиатских земель языки
В ту роковую Элладу!

Вестник

Телами жалко сгинувших усеяно
Поморье Саламина и окрестных мест.

Хор

А н т и с т р о ф а II Горестный милых рок!
Морской водой пропитаны,

Трупы носятся волн прибоем:
В берег ударяясь, плывут прочь.

Вестник

Бессильны были луки: гибло воинство,
Ударами разимо корабельными.

С т р о ф а III ²⁸⁰ Ужасна весть! Стенай, народ!
Подъемли жалкий вопль!
Жестоко посетили нас
Боги, сгубив
Нашу мощь живую!

Вестник

О имя Саламина! Ненавистный звук!
Стенанием, Афины, вспоминаю вас!

Хор

А н т и с т р о ф а III Афины, грозные врагам!
О, сколько бедных вдов
Вас будут называть в слезах!
Сколько сирот
Вас навек запомнят!

Атосса

²⁹⁰ Давно храню безмолвие, несчастная,
Подавленная горем. Столь огромно зло,
Что нет ни слова на устах, чтоб выразить
Страданье, – ни вопроса. Но нести должны
Мы все богов даянье. Овладей собой,
О вестник, и поведай, хоть стенаньем речь
Не раз прервется: кто в живых из пастырей?
О ком нам плакать, – кто, свой посох выронив,
Оставил без призора паству сирую?

Вестник

Ксеркс жив и видит солнечный очами свет.

Атосса

³⁰⁰ Великий свет вещал ты дому царскому;
Из нóчи непроглядной белый день блеснул.

Вестник

У скал, у Силенийских, что кропит прибой,
Вождь конницы несметной – Артембар – убит.
Копьем проколот, с обгаренной палубы
Стремглав в кручину прянул хилиарх Дадак.

Бактр, витязь славный, Тенагон, отныне стал
Герой – присельник острова Аяптова,
Который омывает море шумное.

Лилея и Арсама и Аргеста вал
Утесы островные, голубиц приют,

³¹⁰ Бодать принудил. Корабля единого
Арктей, Адева (близ истоков нильских он
Страною правил) и Фарнух – тройной урон.
Маталл из Хрисы, ведший черной конницы
Три мириады, заросль рыжеогненной
Брады косматой собственной кровию
В пурпурный перекрасил, умирая, цвет.
Араб, из Магов родом, и Артам из Бактр
В земле суровой вечный обрели приют.

³²⁰ Аместрий; неутомный Амфистрей, копье
Могучее; и витязь (будет в Сардах плач!)
Ариомард; Сисам Мисиец; вождь морских
Пяти отрядов, – каждый в пятьдесят судов, —
Лирнеец родом, Фарибид, красавец-муж, —
В чужой земле прияли смерть плачевную.
Синнесий, первый в воинстве по доблести,
Наместник киликийский, кто один врагам
Доставил труд великий, – был без жалости
Похищен роком. Вот кого припомнил я

³³⁰ Из первых в стане: горсть я взял из груды бед.

Атосса

Увы! Я слышу повесть величайших бед,
Позор Персиды, долгий похоронный плач!
Но, снова обращая речь к началу дел,
Скажи, какое ж множество повыплыло
Судов враждебных, если с нами меряться
Враги дерзнули мощью корабельною?

Вестник

Числом судов перс явно превосходствовал:
Всего лишь триста было их у эллинов;
³⁴⁰ К тому отборных, сверх трехсот, десяток был.
А Ксеркс-владыка, – знаю достоверно то, —
Водительствуя в битве, заурядных вел
Судов военных тысячу да двести семь
Имел отборных, скорости неслыханной.
Таков подсчет. Не скажешь: враг сильнее был.

Атосса

Так некий демон войско погубил, весы
Судьбины нагнетая в пользу эллинов?

Вестник

(347) Спасают кремль Палладин небожители.

Атосса

Итак, Афины, скажешь, – нерушимый град?

Вестник

Оградой крепкой граждане стоят окрест.

Атосса

³⁵⁰ Как вспыхнула, поведай, схватка на море?
Кто начал битву? Эллины ль или сын мой, Ксеркс,
Числом надмившись силы многовёсельной?

Вестник

Дух-мститель, о царица, злой ли бог иной,
Являсь невесть откуда, был всему виной.
Приходит эллин некий из афинских войск
И держит ко владыке таковую речь:
Решили, будто б, эллины стоянку снять
И под покровом ночи, на суда вскочив,
Спасаться бегством тайным; а как вырвутся
³⁶⁰ В простор открытый, – кто куда рассеяться.
А царь, как то услышал, не поняв ни ков
Врага, ни козней от богов завистливых,
Вождем плавучей² силы разослал приказ:
Лишь светадавец-Солнце истощит колчан
Палящих стрел и внидет в храм эфирный мрак,
Суда сплошной заставой строить в три ряда,
Стеречь дозором выходы в простор зыбей,
Другим Аянтов остров оцепить кольцом;
Хотя бы часть морского стана вражьего
³⁷⁰ Лазейкой ускользнула от гибели, —
Снять с плеч грозился голову начальникам.
Такой приказ он отдал в исступлении:
Зане не ведал от богов грядущего.
Они ж не без раченья приготовились,
Послушествуя сердцем; ужин справили, —
Весло гребец наладил на уключину.
Когда же солнца свет угас и сумраком
Покрылись воды, каждый властелин весла,
Оружия ль владелец на корабль взошел;
³⁸⁰ И, строй за строем, длинных кораблей во мгле
Равняется громада: каждый свой черед
И место знает. Так всю ночь начальники
В порядке уставляли мореходный стан.

---

² В рукописи: «пловучей».

Уж свет забрезжил, а из стана эллинов
Никто не умышляет проскользнуть тайком.
Но вот и белоконный день сиянием
Залил всю землю. Первый звук, донесшийся
До нас, был громкий эллинов молящихся
Пеан согласный; вторили отзывами
³⁹⁰ Утесы островные кликам воинским.
Тут страх напал на варваров, обманутых
В своей надежде. Явно, не пред бегством враг
Воспел, с победной силой, гимн торжественный;
Он в бой стремится пламенный, сомненья нет;
Отвагу распаляет трубной меди рев.
И вдруг, по знаку, дружно в лад ударили
По зыбкой соли плещущими веслами,
И вскоре можно было разглядеть суда.
В порядке стройном правое вело крыло
⁴⁰⁰ Ватагу остальную. Речи эллинской
Отвсюду раздавались восклицания:
«Вперед, о чада эллинов! За все – сей бой!
Освобождайте родину, детей и жен,
Богов родных престолы, гробы пращуров!
О всем заветном это состязание!»
В ответ им наших гордый говор слышится,
Как рокот моря; миг один – и вспыхнет брань...
Внезапно ударяет о корабль корабль,
В бок медным носом врезавшись. И первый был,
Что дело зачал, – эллинский: он вдребезги
⁴¹⁰ Корму у финикийца раздробил и знак
К резне всеобщей подал. Наше множество
Вначале стойко держится. Но сперта мощь
Проливом узким: нет простора действию;
Своих же давят; весла переломаны
Чудовищ медногрудых тяжким натиском.
А эллины, умыслив хитроумный ход,
Нас полукружьем сжали. Опрокинуты,
Суда тонули; море сплошь покрылося
⁴²⁰ Плывущей плотью, дерева обломками;
Как пены накипь, трупы okayмили брег.
Гребут, в нестройном бегстве, из последних сил,
Персидских войск остатки уцелелые:
Тунцов так острогю рыболовы бьют,
Как их частями корабельных остовов,
Стволами мачт и весел побивает враг.
Стон по морю и дикий разносился крик,
Доколе черным оком Ночь не глянула,
Утрат же наших, если б десять дней подряд,
⁴³⁰ Царица, говорил я, не исчислить мне.
Но знай наверно: никогда в единый день

Не гибло смертных такого множества.

Атосса

Увы, какое выступило море бед
На персов и на все народы варваров!

Вестник

Я бед и половины не сказал еще:
Другое разразилось и такое зло,
Что дважды перевесит прежде бывшее.

Атосса

Какое горе горше было б этого?
Что это испытанье превзойти б могло?
⁴⁴⁰ Скажи, что бóльшим ты зовешь несчастьем?

Вестник

Все лучшие, что силой мышц и храбростью
Отличны были, древним родом славились,
Царевы слуги верности испытанной,
Бесславно все погибли до единого.

Атосса

Ах, каково мне, горькой, други, слышать то!
Какой же изгубил их беспощадный рок?

Вестник

Лежит близ Саламина островок средь волн,
Без пристани удобной мореходу. Пан
Там хороводы водит над стремнинами.
⁴⁵⁰ Туда в засаду лучших царь послал мужей,
Дабы врагов остаток перебить легко,
Когда, судов лишившись, к тем утесам вплавь
Они спастись будут; было б где спастись
И персам, уносимым вод течением.
Но дурно рассчитал он день грядущий. Дал
В морском сраженьи эллинам победу бог.
И в тот же день, покрыты медяной броней,
Они, на остров высадясь, устроили
Облаву на засевших, оцепив их стан.
Кольцо стесняя, эллины со всех сторон
⁴⁶⁰ Их частым осыпают градом каменным,
Обстреливают тучей стрел; потом, одним
Порывом дружным, на несчастных бросившись,
В куски булатом острым изрубили всех.
И бездну зол увидя, восстенал сам Ксеркс!
Сидел он, озирая с высоты весь бой,
На выпрenneй вершине, над пучиной вод.

И ризы растерзал он, и завыл в тоске;
Войскам пехотным тотчас повелел бежать
⁴⁷⁰ И сам неблаголепно в бегство ринулся.
Вот что достойно плача пуще прежнего.

Атосса

О бог жестокий! Персов обольстил ты как!
За славные Афины – о, сколь горькое
Взыскал возмездье! Не довлекла кровь тебе
Тех многих, коих раньше Марафон сгубил.
За них умыслил сын мой победителям
Отмстить – и вот что ныне на страну навлек!
Где ж остальные, вестник, что спаслись, суда?
Скажи мне точно, где же ты оставил их?

Вестник

⁴⁸⁰ Не ждут, в смятеньи, веянья попутного
Судов последних корабленачальники, —
Торопят бегство. Войска сухопутного
Остатки тают, добежав в Беотию:
Кто занемог, опившись у живых ключей,
Кто пал от истощенья. Еле дух влача,
Бредем через Фокею и Дориду мы
В поля, что влагой благодной поит Сперхей,
К Мелийскому заливу. Далее путь ведет
На Фтиотиду, Фивы Фессалийские.
⁴⁹⁰ В тех странствиях большая часть повымерла
От голода и жажды: натерпелись мы
Обеих пыток вдоволь. Чрез Магнетский край
И земли македонцев, чрез Аксий-реку,
Чрез топи Больбы, камышом заросшие,
Чрез кряж Пангея – выбрались в Эдонию.
В ту ночь дохнуло стужей безвременной:
Замерз Стримон священный; здесь и тот, кто встарь
Нигде богов не видел, вдруг уверовал,
Земле и небу вместе поклоняться стал.
⁵⁰⁰ Вперед, скончав моление, войско двинулось,
Довериться осмелясь ледяным мостам.
И кто успели реку перейти пред тем,
Как стало солнце стрелы расточать, – спаслись.
Но жаркими лучами светonosный день,
Лед плавя, посредине расковал поток,
И пали сонмы друг на друга. Счастлив тот,
Кто скоро был задавлен иль пошел ко дну.
А те, что уцелели, через Фракию,
При множестве лишений и трудов и бед,
⁵¹⁰ Достигли беглецами, в небольшом числе,
Родного пепелища. Плакать родине

О младости, расцветшей и загубленной!
Во всем правдив рассказ мой. Но исчислить всех
Нельзя напастей, что наслал на персов бог.

Предводитель хора

О демон ярый! Как стопою тяжкою,
Вскочив на род наш, топчешь ты и давишь нас!

Атосса

Увы мне, жалкой! Ратная крушилась мощь!
Ночное сновиденье, вот твой ясный смысл!
Воочию явил мне, что случилось, сон.
⁵²⁰ Не так его вы, старцы, толковали мне.
В одном вы были правы: первым долгом я
Богам, как вы внушали, вознесу мольбы.
Земле и в ней живущим ниспошлю дары,
Из дома взяв усопшим угощение.
Того, что было, знаю, изменить нельзя;
Но пусть в грядущем лучшая нас доля ждет,
От вас же, верных, мы во всем свершившемся
Опоры верной в горе и совета ждем.
И если сын вернется до меня, его
⁵³⁰ Радужно повстречайте и введите в дом,
Чтоб новой не прибавил он к беде беды.

Уходит во дворец.

Стасим I

Предводитель хора

О властительный Зевс! Разорил, сокрушил
Ты кичливую мощь многолюдной страны,
Нашу рать истребил!
И в печаль, и в позор, как в могильную ночь,
Схоронил Экбатану и Сузы!
Руки нежные рвут покрывала с лица,
Разрывают в клочки,
И несякнувших слез неудержный поток
⁵⁴⁰ Орошает цветущие перси.
Бездыханных мужей персиянки зовут
И влюбленной тоской изнывают по ним:
Сиротеет приют упоительных нег,
Не вернуть им услад разделенной любви:
Ненасытна печаль овдовелых!
Ах, и нас, стариков, сокрушает печаль,
С уст срывается плач многослезный!

Хор

С т р о ф а I Вся Асия рыдает днесь,
Стенает опустелая.

⁵⁵⁰ Увел народ воитель – Ксеркс,
Сгубил народ губитель – Ксеркс!
Безумец Ксеркс доверил свой народ
Утлым, в хляби волн, стругам!
Как же Дарий, мудрый вождь,
Меру знал, страну хранил
И в бедах неврежимой,
Милый Сузам владыка?

А н т и с т р о ф а I Пехоту и морскую рать
Вы стаей синегрудою,

⁵⁶⁰ Увы, везли на казнь, суда!
Сгубили черные суда
Станицы медноклювых лютых птиц!
В руки вы ибнянам
Выдали живой свой груз!
Ускользнул от них едва
По тропам неторным
Дикой Фракии сам царь.

С т р о ф а II Первозакланных сонмы, —
Ах!

Отданных в жертву Року, —
Горе, ах,
⁵⁷⁰ Горе! У скал Кихрейских,
Увы! Как вы гибли, тонули как!
Воскрежещи зубами,
К небу зови:
«Увы!»
Вопль подыми протяжный!
Взвой, взвой, город, диким воем!

А н т и с т р о ф а II Сонмы носимых зыбью,
Ах!

Отданных в снедь нечистым!
Горе, ах!
Чадам немых пучины!
Увы! ...
«Где кормилец наш?» – стонет дом;
⁵⁸⁰ Матери: «Сын мой, где ты?»
К небу зовут:
«Увы!»
Старые деды плачут,
Дойдет всюду злая повесть.

С т р о ф а III Горе державе персидской!

В Азии подданных нет ей!
Боле не будут оброков
Несть на господские нужды
Стран покоренных языки,
В прах пред владыкой склоняться:
⁵⁹⁰ Имени царскому верить.

А н т и с т р о ф а III Всех недовольных развязан
Дерзкий язык, и не нужно
Вольного слова стеречься:
С выи ярмо соскользнуло!
Памятный остров Аянта,
Кровью персидской пропитан, —
Силы персидской могила!

Эписодий второй

Атосса, во главе шествия женщин, несущих надгробные приношения, выходит из дворца.

Атосса
О други! Кто несчастье в жизни пережил,
Нрав смертных знает по себе: пришла беда, —
⁶⁰⁰ Во всем угрозу видит боязливый ум,
А в счастье провожая дни, надеемся
И впредь на ветер попутный от благих богов.
Моим очам все ныне полным ужасов
И знаменiem гнева представляется;
Ушам напев зловеций всюду слышится;
Подавлена я горем и запутана.
Затем-то я без колесниц, без пышности,
Столь просто снарядила это шествие.
Несу за сына кроткий дар на отчий гроб,
⁶¹⁰ Из тех, какими мертвых ублажаем мы:
Вот млеко от юницы чистой белое,
Напиток благодатный, и златистый дар
Пчел-цветоделок; девственных ключей струи, —
И тут же дикой матери, хмельной лозы,
Несмешанное чадо, виноградника
Старинный сок; и светлорусой маслины,
Всю жизнь листву хранящей, благовонный плод;
С душистыми венками из детей земли.
А вы, о други, эти приношения
⁶²⁰ Вершите гимном и зовите Дария
Из тьмы могильной, между тем как прах вопьет
Богам подземным жертвы приносимые.

Предводитель хора

Ты, царица, царя и отечества мать,
Возлиянья пролей в терема, где живут
Благ податели: мы ж песнопеньем святым
Преисподних владык
Умолим благосклонствовать милым.
Вы внимлите, святой глубины божества,
Мать-Земля, и Гермес, и почивших Царь,
⁶³⁰ И пошлите на свет душу Дария к нам.
Если ведает царь врачеванье живым,
Зол предел нам единый укажет.

Стасим II

Хор

С т р о ф а I Слышит ли царь
В недрах земли
Скорбный мой клич,
Царь богоравный, царь блаженный?
Родной
Варварской речью, царь,
В любом горе тебя зову!
В ночь пролию
Плач ко владыке:
Зов услышит усопший.

А н т и с т р о ф а I Матерь-Земля,
⁶⁴⁰ Боги глубин,
Стражи теней,
Демона славы, духа мощи
На свет
Солнца пустите к нам, —
Бога, в Сузах рожденного,
Вящего всех,
Коих останки
Персть прияла Персиды!

С т р о ф а II Мил нам сей муж
Мил нам сей гроб:
Милое сердце
В нем почило.
⁶⁵⁰ Айdoneй!
Сам приведи к нам владыку,
Айdoneй! он —
Царь наш единственный:
Дария дай нам!

А н т и с т р о ф а II Он не губил

Ратей своих
В честолюбивом
Ослепленьи,
И прослыл
Он «промыслителем» царства.
Промыслитель
Был он воистину,
Воинства кормчий.

С т р о ф а III Царь мой, прежний царь,
Выйди, явись очам!
Стань на главу сего кургана,
⁶⁶⁰ Чтоб сандалий
Золотистых
Нам сверкнул блеск,
Чтоб сверкнул блеск
Тиары,
Острове́рхой, ясной!
Выйди, отец непорочный, Дарий!
Увы!..

А н т и с т р о ф а III Горе услышишь ты,
Новое горе, встав,
О властелин владык родимых!
От стигийских
Поднялась волн
До живых мгла,
Отняла свет!
Поникла,
⁶⁷⁰ Земнородных юность!
Выйди, отец непорочный, Дарий!
Увы!

ЭПОД

Увы, увы!
О безутешно оплаканный царь!
Взгляни ж, владыка, владыка,
Что́ на страну твою
Неразумия грех двойной,
Что́ он навлек! Взгляни,
Где дома многовёсельные?
⁶⁸⁰ Ах, не дома – домовины!

Эписодий третий

На вершине Мавзолея появляется

Тень Дария

О верные из верных, старцы, сверстники
Моей поры цветущей! Чем отечество
Болеет? Стонут недра; сотряслась земля.
Супруга, вижу, слезы льет на мой курган:
Душа моя смутилась; я дары приял.
Вы ж плач творите пред могилой; жалобным
Взываньем, души мертвых подымающим,
Меня зовете. Трудно подыматься нам:
Препон не мало; боги же подземные
⁶⁹⁰ Берут охотней души, чем на землю шлют.
Но я препобедил их и на зов пришел.
Спешите поведать, — строго разочтен мой срок, —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.